

Чудаки

Автор:

Максим Горький

Чудаки

Максим Алексеевич Горький

«Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора Потехина, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят Мастаков и Ольга, идут наискось и направо...»

Максим Горький

Чудаки

Действующие лица

Константин Мастаков.

Елена.

Вукол Потехин.

Николай Потехин.

Ольга.

Медведева.

Зина.

Вася Турицын.

Самоквасов.

Саша.

Таисья.

Заметка для артистов

Мастаков – в каждый данный момент искренен. Увлекаясь – говорит очень просто, без пафоса, без аффектации и смотрит неотрывно в лицо собеседника. Раздраженный – беспомощен и слегка комичен. Красивые жесты, гибкое тело. Кокетлив, но – бессознательно. Слушая речи людей – склоняет голову набок и смотрит на них одним глазом, как птица.

Вукол Потехин – как будто потерял нечто, но не хочет, чтобы люди заметили это. Его балагурство – назойливо; под желанием смешить людей скрыто старческое равнодушие к ним. Чувствует себя одиноким и при удобном случае мстит за это окружающим его. Но когда его слушают, доволен вниманием людей, молодеет, становится проще, симпатичнее.

Николай Потехин – тяжёл, груб, к людям относится безучастно, любит подавлять их, рисуясь своей угрюмостью. Считает себя глубокой натурой. Вульгарен. От избытка самолюбия он неспособен любить; его отношение к Елене складывается из чувственного увлечения и зависти к Мастакову. В последней сцене искренен, как

побитый.

Самоквасов – добрый, бесхарактерный человек, надоел сам себе, ищет, кто бы взял его в руки. Ни на минуту не забывает своего прошлого, и ему неловко среди людей, которых он впервые видит близко и неясно понимает. Доктор Потехин внушает ему антипатию, близкую к физическому отвращению. Держится, как военный, часто слишком подчёркивая это.

Вася – прищуривает глаза, в надежде казаться умнее и острее.

Елена – беззаветно и честно любит мужа, убеждена, что в её позиции нельзя себя вести иначе. Знает также, что в этой игре она рано или поздно окажется проигравшей всё. Её сдержанность – внешняя, а внутри она всё время жарко горит. Очень пластична, одета просто и изящно.

Ольга – ей за тридцать лет. Авантюристка, которая торопится найти что-нибудь прочное. Слишком много испытала для того, чтобы верить людям и огорчаться неудачами. Теряется перед Еленой, потому что не понимает её способа самозащиты. Торопливость мешает ей быть более стойкой, разгадать тактику Елены. Отнюдь не вульгарна. Эффектнее Елены и, конечно, опытнее её.

Зина – человек, который не смеет быть самим собой. Очень мила и красива.

Саша – строгое, даже несколько суровое лицо человека, видевшего много горя и нужды.

Действие первое

Дача в сосновой роще; сквозь редкие стволы видно стену дома, два окна, затянутые марлей, дверь и невысокую террасу. На первом плане стол, устроенный вокруг ствола большой сосны, кресло-качалка, плетёные стулья. Висит гамак. Поздний вечер, лунный свет. Когда поднимают занавес, среди деревьев видно серую фигуру доктора Потехина, он в шляпе, широком пальто. Прислушивается, глядя в сторону дачи, и, пожимая плечами, уходит не спеша налево. Через несколько секунд на террасу выходят Мастаков и Ольга, идут

наискось и направо.

Мастаков(вполголоса, весело целуя руку Ольги). Какая добрая, милая...

Ольга(оглядываясь). Ш-ш! Кто-то ходит...

Мастаков. Никого нет. Николай в городе, Елена у Медведевых... Дома только землемер, но он ищет противоречий, и всё ему чуждо, кроме них. (Целуя щёку Ольги.) Вот ты увидишь – я напишу пресмешной рассказ о нём...

Ольга. Ну – я иду... Не провожай...

Мастаков. Подожди! Посиди со мной. Мне хочется рассказать тебе...

Ольга(пытливо). Нас могут заметить, ты не боишься?

Мастаков. Мне хорошо, легко с тобой... Не хочется, чтобы ты уходила...

Ольга. Ага-а! Ты сколько времени не замечал, что я тебя люблю? Теперь я тоже начну бегать от тебя...

Мастаков. Господи, как всё это просто, легко и красиво...

Ольга(освобождая руку). Ну, до свиданья... до завтра!

Мастаков. Нет, подожди... дай мне сказать...

Ольга. Тише! Что ты кричишь?

(Они прошли направо, их не видно. Из-за угла дома смотрит вслед им горничная Саша. Мастаков возвращается, улыбаясь, мягко жестикулируя. Слева идёт Потехин, надвинув шляпу на брови, держа руки за спиной.)

Потехин(подозрительно). Кого это ты провожал?

Мастаков(подумав, с улыбкой). Не знаю.

Потехин. И целовал?

Мастаков(смущён, смеясь). Целовал! Друг мой – разве об этом спрашивают?

Потехин(настойчиво). Мне показалось...

Мастаков(быстро). Тебе часто кажется... странное! Ты только сейчас из города? Что там нового?

Потехин. Ничего, конечно.

Мастаков. А в газетах?

Потехин. Есть две статьи о тебе...

Мастаков. Хвалят?

Потехин(с улыбкой). Н-ну... не очень... Больше ругают, пожалуй...

Мастаков(сядась в гамак). Значит – можно не читать.

Потехин(скучно). Ты читаешь только похвалы?

Мастаков. Если ругают – неприятно читать, а хвалят – вредно. Похвалы внушают эдакие (вертит пальцами над головой) вредные идеи. Когда меня впервые назвали талантливым, так я, брат, такой безобразный галстук купил себе, что жена (вздохнув) осмеяла меня беспощадно.

Потехин. Она где?

Мастаков(оглядываясь). Пошла к Медведевым. Жениху Зины плохо...

Потехин. Умрёт он.

Мастаков. Вероятно. И ты умрёшь, со временем.

Потехин(думая о чём-то другом). Ну, мы с тобой не скоро. А он скоро. Молодому неприятно умирать.

Мастаков(с лёгкой досадой). Кажется, я уже слышал однажды этот афоризм.

Потехин(так же). Особенно неприятно умирать... оставляя невесту...

Мастаков. Ты это испытал? Ух, скучный ты... странный ты человек! Юноша знает, что ему не жить, но – ведь он не стонет, не жалуется, он умеет скрыть свою тоску... и это благородное уменье, эта прекрасная сдержанность как будто раздражают тебя... и других! Вы ходите вокруг него и ворчите – умирает, умрёт...

Потехин(усмехнулся). Ты – слеп! Или, по обыкновению, сочиняешь.

Мастаков. Право, если бы этот Вася умер со смехом, с радостью, ты, пожалуй, возненавидел бы его!

Потехин(ворчит). Что за чепуха...

Мастаков(настойчиво). Уж наверное ты сказал бы, что он сошёл с ума...

Потехин(небрежно). Зина когда была здесь?

Мастаков(устало). Часов в пять... около этого.

Потехин(глядя в землю). Елена Николаевна пошла с нею?

Мастаков. Да.

Потехин. И не возвращалась?

Мастаков. Нет.

Потехин. Так! Гм! Значит, ты... (Тихо.) Константин, мы с тобой старые товарищи...

Мастаков(отмахнувшись). Иди, отдохни, старый товарищ. Ты устал. Береги себя. Твоя культурная деятельность...

Потехин(угрюмо). Не дури!

Мастаков. Иди, иди. Знаю я тебя! Ты хочешь говорить о задачах литературы, о сострадании...

Потехин. Слушай, это серьёзно... Оставим литературу.

Мастаков. Всё прочее – неинтересно. Вот твой отец...

(Вукол Потехин в короткой куртке, шляпе и высоких сапогах стоит на террасе и, подняв голову, смотрит в небо.)

Мастаков. Куда это вы собрались? На луну?

Вукол. Перепелов ловить. (Идёт к ним.)

Мастаков. Что за деятельная натура! Преклоняюсь пред вами, землемер. Как это ловят перепелов?

Вукол. Перепелов ловят сетью, во ржи, а человек – на противоречиях.

Мастаков. Bravo! Вы владеете афоризмом превосходно. Николай, учись! И книга в кармане?

(Доктор раскуривает сигару, зажигает спички, стараясь незаметно осветить лицо Мастакова, пристально наблюдает за ним. Раскурив, уходит направо в рощу; плечи приподняты, голова наклонена.)

Вукол. И книга. На рассвете выкупаюсь, лягу на росистую траву и часок почитаю, – хорошо, а?

Мастаков. Чудесно! Особенно для вашего ревматизма.

Вукол. Будут петь птицы, выполняя закон природы... (хлопая по книге ладонью) а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а? (Мастаков смеётся, болтая ногами.) О бессребренниках-инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых попах, благородных дворянах и – о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то тёмное, безнадёжное время, а?

Мастаков(с интересом). Нравится он вам, автор?

Вукол. Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но – он утешает ближнего! Читаю и ласково улыбаюсь ему: ах, милый! (Подмигивая.) Знаю я, что всё это – выдумка и утешительного ничего нет, но – приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...

Мастаков(серьёзно, задумчиво). Да? Вот как вы? Это интересно...

Вукол. Разорвал душу свою на тонкие нити и сплёл из них утешительную ложь... (Подмигивая, усмехается.) Думал ободрить меня, русского человека... Меня? Промахнулся, бедняга!

Мастаков. Промахнулся? Почему?

Вукол(подняв руку, точно клянётся). Не верю!

Мастаков. Ах вы, старый нигилист!

Вукол. Не верю! Храм сей, скверно построенный и полуразрушенный, Русью именуемый, – невозможно обновить стеной живописью. Распишем стены, замажем грязь и роковые трещины... что же выиграем? Грязь – она выступит, она уничтожит милые картинки... и снова пред нами гниль и всякое разрушение.

Мастаков(серьёзно смотрит на него, склонив голову, точно птица). Так...

Вукол. Не верю! Но – умиляюсь, когда человек говорит против очевидности, в добрых целях утешить и ободрить ближнего. Ведь в конце концов мы живём не по логике, а – как бог на душу положит. Вот и вы тоже, как он, противоречите действительности...

Мастаков. Я?

Вукол(подмигивая). Ну да, вы! Ведь тоже – выдумываете праведных-то людей, нет их на Руси вживе, а?

(Саша сходит с террасы, стоит у деревьев. Лицо у неё печальное, она смотрит на Мастакова с упрёком.)

Мастаков(спрыгнув на землю). Это – неверно. Вы запираете жизнь в клетку какого-то обобщения, думая, что так она будет понятнее вам... И это – неверно! (Увлекаясь.) Ничего нельзя выдумать, и – не надо выдумывать...

Вукол(смеясь). Нельзя? Не надо?

Мастаков. Я верю, что победит светлое, радостное человеческое... я ищу вокруг себя этих явлений... жизнь – щедра, она мне их даёт!

Вукол. Даёт? Грошики, копеечки, а?

Мастаков(горячо). Мне нравится указывать людям на светлое, доброе в жизни, в человеке... Я говорю: в жизни есть прекрасное, оно растёт, – давайте любовно поможем росту человеческого, нашего! Человеческое – наше, нами создано... да!

Вукол. Не поверят вам... Русский – не любит верить, вера обязывает. Русский любит подчиняться обстоятельствам, – он лентяй. Мы любим сказать: ничего не поделаешь, против рожна не попрёшь... мы живём шесть месяцев в году... а остальные полгода мечтаем на печке о хороших днях... о будущем, которого не будет для нас...

Мастаков(снова влезая в гамак, заметил Сашу). Вы что, Саша?

Саша(вздрагнув). Барыня приказали предложить вам чаю...

Мастаков(тревожно). Она пришла?

Саша. Нет. Она сказала, уходя, чтобы в десять часов я предложила вам чай.

Мастаков. Пессимист, чаю хотите? Принесите сюда два стакана, Саша. И – хлеба.

Вукол. Как супруга-то заботится о вас!

Мастаков(тихо). Да-а...

Вукол. Превосходнейшая женщина!

Мастаков(оглядываясь). Возьмите меня перепелов ловить!

Вукол. Вот это хорошо! Идёмте-ка!

Мастаков. Кажется, Самоквасов интересный человек?

Вукол. Мы все интересные люди... (Саша принесла поднос с чаем.) Мы все для вас должны быть интересны.

Мастаков(простирая руки над головой Вукола). Заклинаю вас будьте!

Вукол(усмехнулся, пьёт чай). Да, Самоквасов... заблудился он... Офицер, командовал ротой, необходимо было помочь сестре, пошёл служить в полицию... В девятьсот пятом году бросил эту службу, говорит – противно стало. А теперь вот жалеет, что бросил...

Мастаков(с интересом). Жалеет?

Вукол. Видимо. Очень много говорит о своей глупости... Идёт он.

Самоквасов(в тужурке военного покроя, офицерской фуражке, высоких сапогах. На плече перепелиная сеть, в руках клетка в холщовом чехле. Раскланялся с Мастаковым). Добрый вечер! Отличное время выбрали мы с тобой, землемер.

Газеты читал?

Вукол. Я же не люблю их.

Самоквасов. Победи. И я не люблю, а отравляюсь ими ежедневно...

Вукол. Ну, тебя немцы беспокоят, а меня – никто! В немцев я не верю, в японцев тоже...

Мастаков(очень любезно). Вы хотите чаю? Саша!

(Саша молча уходит в дом.)

Самоквасов. Благодарю! Вы тоже международной политикой не интересуетесь?

Мастаков(улыбаясь). Я? Нет. О ней пишут сквернейшим языком.

Вукол. И всегда – прозой. (Мастакову, указывая на Самоквасова.) Он очень боится немцев, японцев и, кажется, женщин. Ты ведь и женщин боишься, Мирон, а?

Самоквасов. Я не боюсь, а... мне думается, что шутить не время... Нам, русским, пора бы посмотреть серьёзно на наше положение в Европе... (Несколько возбуждаясь.) Никогда ещё Россия не стояла в такой безнадёжной, в такой опасной позиции... И мне странно слышать, что вы, литератор, вы, так сказать, духовная охрана страны... (Мастаков, улыбаясь, смотрит, склонив голову набок, в лицо ему, – это смущает и несколько раздражает Самоквасова.) Вы должны знать все беды, грозящие родине вашей...

Мастаков(улыбаясь Вуколу). Вот ещё долг мой – видите?

Самоквасов(горячо). Можно ли шутить, когда из нас снова хотят сделать заслон против монголов? Европа прикрывается нами с востока, а когда мы окончательно истощим силы в борьбе с жёлтой расой, Германия отнимет у нас Польшу, Прибалтийский край, выйдет через Балканы в Эгейское море...

Вукол. Захватит Марс, Венеру, Полярную звезду...

Самоквасов. Если бы ты следил...

Вукол. Привык ты следить и командовать! Раньше – управлял движением извозчиков, а теперь – на государства посягаешь... брось!

Самоквасов. Чудак, ты пойми...

Вукол. Брось политику и – купи гитару. Играй на гитаре. Это очень меланхолично и не нарушает тишины. Приятно будет видеть, как этаким бравый, усатый молодчина, сидя под окном, в час заката наигрывает чувствительно на грустном инструменте...

Мастаков. Bravo, землемер! Это очень мило!

Самоквасов(грустно). Эх, господа...

Вукол. И по щеке, на длинный седой ус, тихо сползает тяжёлая слеза одиночества...

(Мастаков смеётся.)

Самоквасов. Когда мы будем серьёзными людьми?

Вукол. А вот когда начнём перепелов ловить.

Мастаков(Самоквасову). Вы знаете, что я с вами иду?

Самоквасов. Приятно знать. А всё-таки, господа, немцы требуют нашего внимания...

Мастаков. Да? А вы знаете, что европейцы упрекают нас в злоупотреблении серьёзными разговорами?

Вукол. Дамы идут...

Самоквасов. Это вас, литераторов, упрекают...

(Слева входят Елена и Зина. Самоквасов кланяется, не протягивая руки.)

Зина. Не бойтесь... давайте вашу лапу... я не злопамятна.

Вукол. К тому же вы ссорились не в последний раз.

Зина. Конечно.

Самоквасов(смущён). Я – рад! Сердечно рад...

(Елена тихо подходит к мужу, он, виновато улыбаясь, как бы невольно протягивает ей руку.)

Мастаков. Как ты долго!

Елена. Скучал?

Мастаков. Вот эти двое обижают меня политикой, философией, астрономией и всяческой мудростью... (Видит в руке у неё связку ключей на кольце и перчатку, нахмурился.) Что это у тебя... чьё это?

Елена(внешне безразлично). Вероятно – Ольги Владимировны. Я подняла на дороге, попало под ноги мне... Она была?

Мастаков. Да. Она была. Землемер, мы скоро пойдём?

Вукол(смотрит на часы). Через... через полчаса.

Мастаков(уходя). Пойду оденусь.

Самоквасов(Зине). Мне это простительно... я иногда не понимаю значения слов... Вот, например, часто встречается слово – фикция. Что такое?

Зина(устало). Фикция? Это вы.

Самоквасов. Нет, серьёзно.

Зина. Серьёзно. Вы.

Самоквасов. Но... как же я... если женский род?

Зина(смеётся). Ах... Лена, послушай...

Самоквасов(вспыхнув). Да... я понимаю, что когда мужчина за сорок ставит детские вопросы... это смешно образованной девушке... в двадцать лет. (Быстро отходит в сторону.)

Елена(задумчиво позванивая ключами). Что такое? (Тихо.) Он, кажется, снова рассердился?

Вукол. Барышня назвала его фикцией. Его!

Зина(улыбаясь). Разве это обидно?

Елена(Вуколу, мягко). Надо ли, чтобы он чувствовал себя чужим среди нас?

Вукол. Ба! Мы с ним друзья почти... Вы уж очень... тонко!

Елена(улыбаясь). А вы не слишком ли просто относитесь к нему?

Вукол. Это – не я! Это вон кто дразнит его всегда.

(Елена не спеша идёт к Самоквасову.)

Вукол. Вот, я получил выговор из-за вас. (Зина молчит.) Что, как ваш больной?

Зина(сердито). Ведь вам неинтересно это?

Вукол. Почему?

Зина. Потому, что вы человек холодный, чёрствый.

Вукол(удивлённо). Вот тебе раз!

Зина(несколько сконфужена своей выходкой). Вам скучно жить, и вы...

Вукол. Милое моё дитя! В мои годы всем живётся невесело, но это в порядке вещей, а вот что вам в двадцать лет скучно...

Зина. Мне не скучно, а у меня устали нервы!

Вукол. Тоже непохвально.

Зина(раздражаясь). Вы не понимаете... убить так много сил и два года времени на борьбу за свободу человека, измучить мать, и... и вот он изломан, полумёртв... Испытали ли вы это в двадцать лет?.. (Потехин идёт.) Испытали?

Вукол. Гм...

Зина(доктору). Ну, что?

Потехин. Спит. Температура упала... Это кто там ходит?

Зина. Елена и Самоквасов.

Потехин(безразлично). А батька, по обыкновению, злил вас?

Зина. Я, кажется, была невежлива с ним.

Вукол(успокоительно). Э, не беспокойтесь этим... нервы у меня не очень чуткие. (Отходя.) Мирон, пора идти!

Потехин(тихо). Отец иногда бывает тяжёл для собеседника.

Зина. Мне кажется, что все люди играют роли. Он – мизантропа.

Потехин(прислушиваясь к голосу Елены). Фамилия у него весёлая Потехин, а человек он – скучный.

Самоквасов. Такой жизни я не понимаю!

Потехин(усмехаясь). Однако в старину прозвища не зря давали.

Елена. Немножко доброго внимания друг к другу, и всё станет понятным.

Мастаков(идёт). Ну, что же? Перепела или философия? (Жене.) Иду! Ты не беспокойся!

Елена(удивлена). О чём?

Самоквасов. Ну-с, пошли!

Мастаков(неловко). Как – о чём? Обо мне, конечно! (Целует руку.) До свиданья!

Елена. До рассвета?

Мастаков. Да.

(Все трое идут направо. Елена, словно смущённая лаской мужа, тихо опускает руку, глядя на неё со странной улыбкой. Потехин, дымя сигарой, следит за игрой её лица. Задумчиво покачиваясь на стуле, Зина тихонько напевает что-то печальное. Издали долетает смех Мастакова.)

Потехин. Славная ночь. Тепло как...

Елена. Да. Хорошо.

Потехин(глухо). Я третью ночь сплю на воздухе... на террасе под окном...

Елена. Комары не кусают?

Потехин. Нет. (Вздыхнул, оглянулся.)

(Саша мелькает среди деревьев, всё время следя за Еленой. Её не замечают.)

Зина(не вставая). Пойду домой. Лень идти. А – надобно...

Елена. Хочешь, мы с доктором проводим тебя?

Зина(позёвывая). Если вы хотите... не трудно вам...

Потехин(живо, неловко). Что вы! Приятно... мне, конечно...

Зина. Вот неожиданный взрыв любезности!

Потехин. Какая же тут любезность? Просто спать не хочется.

Зина(кланяясь). Да? Извините мне ошибку...

Елена(улыбаясь). Бедный доктор, он даже покраснел. А знаете, этот Самоквасов интересный человек... Ему среди нас неловко...

Потехин. У него есть что-то общее с моим отцом.

Зина(насмешливо). Скучают оба. Ничего не делают и скучают. От скуки думают о сложных вопросах...

Елена. Мы все, Зина, скучные немножко. И всё от скуки думаем.

Потехин. На даче – отдыхают... Отдых сам по себе повеселее занятие.

(Они ушли. Саша убирает посуду со стола, взяла в руки ключи, перчатку, с отворачиванием швырнула их на стол, побежала вслед за Еленой и кричит.)

Саша. Елена Николаевна! На минуту... воротитесь... (Скрывается за деревьями и вскоре выходит вместе с Еленой, говоря ей торопливо, со слезами и обидой в голосе.) Простите меня... я вас люблю, но я лучше уйду... мне тяжело...

Елена(стараясь скрыть тревогу). Что такое? Говорите прямо, Саша... вас обидел кто-то?

Саша. Ах, нет... я не знаю, как это сказать... Вы научили меня смотреть на Константина Лукича так хорошо... и вот... я боюсь сказать...

Елена. Меня боитесь?

Саша(подбежав к столу, схватила ключи и бросила их к ногам Елены). Видите? Это она... это её ключи... она забыла их здесь...

Елена(глухо). Нет. Неправда. Это я принесла их. Я нашла на дороге...

Саша(подавленная, тихо). Всё равно. Она была здесь... они целовались... мне стыдно сказать, что я видела... они...

Елена(прислонясь к дереву, выпрямилась и говорит тихо, с гневом и гордостью). Ступайте прочь! Между мною и моим мужем вы, девчонка... как вы смеете? Ложь!

Саша(умоляя). Это не ложь... вы же знаете! Ведь вы знаете!..

Елена. Я ничего не хочу знать... идите!

Саша(опустясь на стул, плачет). Господи боже мой... Господи!

Елена(несколько секунд смотрит на неё, подходит и кладёт руку на голову ей). Простите меня, Саша... это я от стыда... от слабости... Я знаю, простите... Мне ударило в голову, и я немного обезумела... Это глупо гордость перед вами...

Саша. Что это, господи? Зачем он? Разве она лучше вас? Такой хороший человек...

Елена. Будем молчать об этом... что тут скажешь, что? Как нехорошо, что я обидела вас...

Саша. Ах, вы никого не обидели! Вас обидели!

Елена. Мне трудно верить... не хотелось убедиться...

Саша. Ведь не могла я не сказать вам...

Елена. Да, милая девочка...

Саша(тоскуя). Зачем это он сделал?

Елена. Не будем говорить об этом... Я несколько... растерялась...

Саша. Вы – видели! Отчего вы не помешали им?..

Елена. Я? Оставим это, Саша... Не могу говорить... дайте мне воды... и шаль.

(Саша быстро ушла. Елена ходит, как слепая, и говорит тихонько.)

Елена. Ты ведь ждала этого... что же? Ты знала, да...

(Слышен тихий свист – она выпрямилась и сурово смотрит встречу звука. Из-за деревьев выходит Мастаков, быстро подходя к жене, он говорит ласково и радостно.)

Мастаков. Гуляешь? Одна? Чудесно! Давай посидим, я немножко устал. (Елена делает движение в сторону от него, он не замечает.) Я убежал от них, не могу. Один всюду видит злые козни Германии, другой – изнемогает от желания сказать что-то значительное, оригинальное... оба они – маньяки, и – чёрт их побери! (Взял за руку и ведёт жену к скамье, не замечая её слабых сопротивлений.) Шёл полем и думал о тебе...

Елена(тихо). Обо мне? Да?

Мастаков. О том, какая ты хорошая.

Елена. Послушай, не надо...

Мастаков. Почему? Нет, надо! Иногда мне хочется осыпать тебя всеми нежными словами, какие знаю...

Елена(заглядывая в лицо ему, со страхом). Зачем ты говоришь это?

Мастаков. Мне так хочется, и ты не мешай!

Елена(тревожно). Ты хочешь сказать что-то? Да? Подожди... прошу тебя! Или нет – лучше скажи... говори скорее!

Мастаков(играя её пальцами). Конечно, я буду говорить. Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной... Это – странно? Это – правда, Лена!

Елена(готовая к удару). Да... ну, что же?

Мастаков. Сядь, а я лягу и положу голову на колени тебе...

Елена(бессильно опускаясь на скамью). Подожди... я помогу тебе сказать...

Мастаков. Ничего, не беспокойся, мне хорошо. Кто это топает?

(Саша изумлённо останавливается со стаканом воды, в руках.)

Елена. Саша... Дайте, пожалуйста... идите!

Мастаков. Превосходная девушка эта Саша! Изящная, умненькая и точно фарфоровая. Ты прекрасно сделала, поставив её близко к себе... у неё так быстро растёт сознание своего достоинства, – а это драгоценно! Мне хочется говорить ласковые слова всему миру, я чувствую себя страшно богатым... Ты капашь на лицо мне, Елена, точно слёзы падают...

Елена. Извини...

Мастаков. Да, так я шёл и думал о тебе, вдруг – сложился недурной рассказ. (Смеётся радостно.) Слушай: живёт старуха, она – умная, она видит, что все

кругом её – рабы. Но – у неё есть вера в лучшее... смутная вера... и есть у неё комические черты. Её муж – тоже раб. Дочь молчаливая, религиозная, углублённая в себя. В селе является человек с возмущённой душой, какой-то бродяга, бездомный батрак, но – яркий, точно огонь. Он нравится старухе, она видит, что он – не раб, не просто озорник, нет, он – тоскует о чём-то... и она говорит дочери – смотри, к нам пришёл хороший человек. (Мастаков вскочил, сел и смотрит перед собой, жестикулируя; говорит, как в бреду.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maksim-gorkiy/chudaki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)